

Новая Польша 5/2003

0: НАДО БЫТЬ БЕЗЖАЛОСТНЫМ, ЧТОБЫ ЗАЩИЩАТЬ ЧЕЛОВЕКА

— Вас не утомляют эти постоянные годовщины?

— Вы меня утомляете, потому что вы такие канительные. Что ни день, приходит несколько таких, как вы, спрашивают об одном и том же.

— Это нарастает к апрелю?

— Да, это пик сезона. Каждый год одно и то же.

— Однажды вы сказали, что по ту сторону стен все были врагами.

— Когда ты переходил на арийскую сторону, врагом был каждый, потому что неизвестно было, кто из них тебя выдаст. Речь не о том, что за стеной я видел человека и он казался мне врагом. Врагов среди них было двое-трое, готовых меня выдать, но я не знал, кто именно.

— Испытывали ли вы зависть к тому, что за стеной живут лучше?

— Зависть? Нет. Это неподходящее слово. Конечно, мы голодали, а там ели. Не могу определить. Такова была действительность. «Зависть» к этому случаю не подходит.

— Ненависть?

— Нет, тут не надо искать душу. Это факты. То, что существовало. Не то было нужно, чтобы там не ели, а чтобы мне было что есть. Живших в гетто низвели до людей второй категории — таких, кому нечего есть, нечего надеть, у кого нет работы. Пропаганда действовала всесторонне. Геббельс делал это очень умело: «Евреи — это народ, который вызвал войну, они богатые, а кроме того — они как вши». И это действовало. Ты шел по улице, и на тебя смотрели как на монстра. И трудно ходить с высоко поднятой головой.

— Немцы выкроили часть города...

— Бедную часть города. На этой территории в обычные времена жило около 150 тысяч человек. В гетто оказалось 300-350 тысяч. Можно себе представить, каковы были условия: человек опухает с голоду, у него умирает отец, а у него нет денег на похороны, он выносит тело на улицу, чтобы утром его вывезли в массовое захоронение. Те, кто работает в немецких магазинах, получают суп. Гетто живет мелкой спекуляцией. Десятки маленьких детей погибают, переходя стену за килограммом картошки.

— Все делалось постепенно, методически.

— Невозможно было убить сотни тысяч людей в один день. Это нужно подготовить. Сначала довести до нравственного и физического ничтожества. Ослабить, заморить голодом: у голодного нет сил сопротивляться. Потом дать надежду на жизнь: получишь буханку хлеба, если пойдешь в вагон. И человек идет на смерть.

— Вы знали, что цель гетто — массовое уничтожение евреев?

— Я знал это с 1941 г., когда приехали первые беглецы из Белжеца. Но люди в это не верили, хотя мы писали в подпольных бюллетенях об уничтожении целых общин. Они говорили: «Ах, это было маленькое местечко, немцы могли себе это позволить, а здесь почти полмиллиона человек...» Никто не хочет верить в самое худшее. Если человек болен, то думает, что выздоровеет. Трудно осознать, что болезнь неизлечима.

— Прошло немало времени, пока вы организовались в гетто...

— Это было нелегко. Впрочем, если говорить в целом, организовались мы довольно быстро, но возможности были очень малые.

— У «Бунда» был такой замысел, когда в 1942 г. начали вывозить в Трешлинку: воспротивиться, распусшить еврейские институты в гетто, в том числе еврейскую полицию.

— Был и такой замысел, но не было оружия, вооруженной силы. Не было шансов. Осуществить это стало можно только в октябре 1942 г., когда пришли четыре первых пистолета.

— Когда вы контактировали с польским подпольем, вы просили оружия, но оружия не было. Вы как-то писали, что вам не верили.

— И это было. Мы же не были обученной армией, у нас не было офицеров, генералов, военных планов. Так обстояли дела. У нас были другие условия.

— Однажды вы рассказывали про немца из гетто, который посадил на стенку в рядок трех девочек, чтобы проверить, удастся ли их убить одной пулей. Как вы объясняете такой случай с медицинской точки зрения?

— Почему с медицинской? Это убийцы, презирающие жизнь. Они безнаказанны. Он считал себя героем. Помогал Гитлеру, убил трех детей — и был экономен, так как сделал это одним выстрелом. В военное время за убийство получаешь медаль, в мирное — идешь в тюрьму. Другая нравственность.

— Вы сказали, что надо бы снять кинофильм о любви в гетто.

— Это великий вопрос: без любви трудно было выжить. Надо было иметь кого-то близкого, чтобы прислониться.

— Трудно было любить в гетто?

— Нет, не трудно. Многие мои друзья были арестованы, но никто никого не выдал. Это вопрос дружбы или любви. Не все же они были сильными и твердыми — просто были друзьями по школьной скамье, по организации. Это тоже любовь к другому человеку. Не только к красивой девушке, хотя при случае это может быть и красивая девушка.

— Когда люди прислонялись друг к другу, можно было забыть о гетто?

— Когда тебе 19 лет, ты хочешь к кому-то прильнуть. Плохо тебе, прильнешь, и станет лучше. Молодая девушка, если она голодная, тем более положит голову на чьи-то колени. Иногда думаешь о голоде, а иногда о любви.

— Началось восстание. Была у вас надежда на чудо, на помощь с «арийской стороны»?

— Никакой надежды не было. Не было надежды выжить. Надо понять, что это был бой за солидарность с людьми, которые умирают, у которых нет сил. В каком-то смысле это был бой за свободу. За подрыв великой немецкой мощи. Ибо трем тысячам вооруженных солдат пришлось воевать с двумя сотнями мальчишек. Это не то что повернешь выключатель и зажжется свет — это был долгий процесс.

Уже в октябре 1939 г. было сопротивление — взаимопомощь, опека над детьми, нелегальная печать. И, раз уж война, сопротивление привело нас к тому, что мы стали стрелять. Не стреляешь — и ты не человек. Стреляешь — и ты наравне с тем, кто тебя гнетет. Кстати, наше сопротивление, например малое восстание в гетто в январе 1943 г., вдохновило на дальнейшее сопротивление. Это был пример, что такое возможно. С этого момента началась городская партизанская война. Это был кирпичик, вынутый из стены тьмы.

— У вас нет впечатления, что гетто, Умшлагплац [место отправки эшелонов с варшавскими евреями в лагеря массового уничтожения] навсегда останутся вне истории Польши?

— Не думаю. В некотором смысле это в природе человека. Когда происходит автомобильное крушение и раненый человек лежит на шоссе, из ста проезжающих машин остановятся, может быть, десять. Остальные водители отворачиваются. Так и общество в массе своей отвернулось, не помогло, осталось с угрызениями совести, не любит об этом говорить. Потому что о неприятных вещах говорить не принято.

— Варшавское восстание заняло иное место в истории.

— Потому что оно было массовым, каждый в нем принимал участие: «Если не я сам, то мой сын или брат». Впрочем, настроение гражданского населения было не слишком хорошим, кроме первых дней. Вначале: свобода,

флаги, «Еще Польша не згинела...» Это переменялось, когда начались бомбардировки и расстрелы. Сразу после восстания был начат спор: нужно ли оно было.

— **Борьба и трагедия евреев рассматриваются иначе?**

— Всяко бывает. Когда-то об этом вообще не говорили. В литературу, в общественные дискуссии эту тему ввела оппозиция в ПНР. С тех пор разговор ведется. Кстати, я считаю, что уничтожение шести миллионов ни в чем не повинных людей оказало колоссальное влияние на всю культуру. Насколько иной стала живопись после войны: бывает, что она сводится к написанному на холсте белому пятну. Музыка, которая «смягчала нравы», стала крикливой, полной диссонансов. В литературе, даже ведущей американской, теоретически далекой от этого, все кончается, как когда-то в гетто: трагедией, самоубийством. Видно и влияние на политику: интервенция в Югославии, Восточном Тиморе, Афганистане, теперь в Ираке. Появилось сознание, что всякая диктатура, не обязательно немецкая, уничтожает людей. Это какой-то прогресс, и надеюсь, что все будет идти в верном направлении.

— **Вы считаете, что это урок, извлеченный из того, что произошло 60 лет назад: надо быть сильным, а иногда безжалостным, чтобы не дать убивать?**

— Да. Надо быть сильным, надо быть безжалостным, чтобы защищать человека.

Беседу вели Беата Копыт и Павел Решка

Марек Эдельман (1921 г.р.), в прошлом активист «Бунда», один из создателей Еврейской боевой организации. Последний, кто ныне жив, из состава командования восстанием в Варшавском гетто. Был сотрудником КОРа (Комитета защиты рабочих) и активистом лодзинской «Солидарности». Участвовал в переговорах «круглого стола» (1989). Видный врач-кардиолог. Кавалер ордена Белого Орла.

1: ТАК ЭТО ТЫ — ДАНИИЛ

МАЙ 2000 г., ГЕРЦЛИЯ БЛИЗ ТЕЛЬ-АВИВА

В посольском парке идет прием.

Посол с бокалом в руке произносит здравицу в честь Конституции, которой исполнилось двести лет.

Меж деревьев сгущается темнота.

Веселые, вспотевшие девушки ждут, когда начнутся танцы.

На ветвях кедров и миндальных деревьев примостились немногочисленные духи. Они совершенно справедливо полагают, что до польской конституции тут никому нет дела. Кроме них самих — цадика из галицийского местечка Городенка и ребе из Корца, что на Волыни. Это они молились за Польшу. Сперва молился Нахман из Городенки, но потом он, увы, отправился на Святую Землю. И не успел уехать — наступил первый раздел Польши. После него молился Пинхас из Корца. Но потом Пинхас, увы, умер — и едва он умер, как наступили следующие разделы.

Оба они — потомки и предки знаменитых мудрецов.

Дед Пинхаса опубликовал в Кракове двести пятьдесят две интерпретации молитвы Моисея. В самой молитве было две фразы.

Внук Нахмана, названный в честь деда, стал цадиком в Брацлаве. («Мое сердце тоскует, равви, и на душе неспокойно» — пожалуется ему польский поэт сто пятьдесят лет спустя).

Нахману приснился сон. Во сне он увидел собственный дом, пустой и безлюдный. Он пошел в синагогу. Там были люди, но они отворачивались от Нахмана и возмущенно шептали: «Как ты мог? Как это может быть, чтобы ты совершил столь тяжкий грех?» Нахман отправился в путешествие, но все, кого он встречал на своем пути, во

всех странах, смотрели на него с ужасом: «Как ты мог?» Он стал отшельником, жил в лесу. Старик из соседней деревни приносил ему еду и спрашивал: «Как ты мог?»

До самого конца сна он так и не узнал, какой грех он совершил, но, проснувшись, попросил своих учеников, чтобы они уничтожили его последнюю рукопись. Ученики сожгли ее, даже не прочитав.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ В ПАРКЕ ПОЛЬСКОГО ПОСЛА

Внимание гостей привлекает статный, видный мужчина. Смуглый, седой, с глубоким взглядом серьезных глаз цвета меда. Так мог бы выглядеть стареющий царь Давид.

Он подходит ко мне и говорит, что мы уже однажды виделись. В Польше, в Лодзи. «Это было в апреле: вы тогда были в доме Доктора, а мы стояли перед домом. За Доктором следила тайная полиция».

Что ж, вполне возможно. Столько воды утекло... Наружка перед входом в дом. Приезжие из Израиля, покорно садящиеся в машину.

«Мы не хотели, чтобы у нас были неприятности с вашей полицией», — говорит мужчина. (Нет, он не царь Давид, он профессор новейшей истории). «И вот когда мы пошли обратно, Доктор...

Вы знаете, что он сделал?

Он выбежал вслед за нами и начал кричать.

И вы знаете, что кричал?

Вы уцелели, потому что вы трусы!

Вы уцелели, потому что вы трусы!

Вы уцелели, потому что вы...

Вот эту историю я вам и хотел рассказать. А я ведь даже родился после войны, здесь, в Израиле... А он кричал: «Вы уцелели, потому что вы...»

(Доктор накрыл на стол, расставил тарелки на праздничной белой скатерти. Кто-нибудь обязательно приедет, повторял он. Не может быть, чтобы все боялись...

Раздались звуки барабанной дроби. Голос из радиоприемника сообщил о том, что сегодня годовщина восстания в Варшавском гетто и что в столице по этому случаю были возложены венки.

И тогда он, тот, что когда-то вместе с группой своих друзей принял решение о начале этого восстания, сказал что-то про солнце. Что тогда тоже светило солнце, хотя было холоднее, чем сегодня.

Гости не приезжали. Доктор отправился на прогулку. Вслед за ним двинулись топтуны. Они следили, чтобы он не сумел пробраться в гетто. Он не был нужен там, где были барабаны и венки. Он старался не видеть их глаз, веселых и презрительных.

На обратном пути он думал, как можно убить человека голыми руками. Нужно ударить его в glomus caroticum, клубок возле сонной артерии, величиной с пшеничное зерно, за щитовидным хрящом. Да, у него слабые руки, но он знает, что с левой стороны расположен блуждающий нерв, тормозящий сердце...

Он уселся за стол.

Рюмка водки и крепкий бульон сделали свое дело: настроение за столом стало более приподнятым.

Вокруг стояли пустые стулья и пустые тарелки.

За окном слышались шум мотора, сигнал клаксона и голоса топтунов.

Он выбежал во двор.

«Вы уцелели, потому что вы трусы!» — кричал он вслед гостям, торопливо возвращавшимся в свою машину.

Из всех слов, что пришли ему в голову, эти сильнее всего выражали презрение).

Нахман из Городенки спрашивает Пинхаса из Корца: профессор новейшей истории все еще кажется ему похожим на царя Давида? В ответ Пинхас из Корца говорит, что человека учит его собственная душа. Нет такого человека, которого душа не учила бы без устали.

Так почему же человек ее не слушает? — задумывается Нахман из Городенки.

Потому что душа непрестанно учит и учит, но всё говорит только один раз и никогда ничего не повторяет.

2001

P.S. Доктор Марек Эдельман запомнил эту историю иначе. Он ничего не кричал про трусов. Не мог он этого кричать, это исключено. Он еще мог бы говорить о случайности: что они уцелели случайно, что-нибудь в этом роде. Мужчина в посольском парке запомнил слова о трусости. Можно сомневаться, если не помнишь наверняка, но с памятью не поспоришь.

Перевод Александра Бондарева